

СУМОЧКА ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ 8 КРАСНОГОРСКОГО МОГИЛЬНИКА. ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

© 2022 г. Т.Б. Никитина, А. Тюрк, Б. Янчик

Для изучения культурных связей населения Ветлужско-Вятского междуречья значительный интерес представляют находки кошелек/сумочек с лицевыми покрытиями из металлических пластин. Кошельки/сумочки, украшенные накладками и пластинами, хорошо известны с X в. в Карпатском бассейне, Восточно-Европейском регионе, и даже встречаются на некоторых скандинавских могильниках. Изделия такого типа в Ветлужско-Вятском междуречье были обнаружены на Веселовском, Русенихинском, Анаткасинском могильниках. Но, к сожалению, находки сохранились плохо, что не позволяло делать полную реконструкцию изделий. В 2019 г. на Красногорском могильнике марийской культуры X в. была найдена еще одна сумочка. Неплохая сохранность органики и комплексное изучение составляющих сумочку деталей позволили выполнить реконструкцию общего облика предмета. Находка из погребения 8 Красногорского могильника рассмотрена на фоне широких аналогий из средневековых памятников Карпатского бассейна, Восточно-Европейского и Евразийского регионов, что позволило найти место предмета в системе международных связей и более глубоко проанализировать вопрос о возникновении и путях продвижении изделий такого типа.

Ключевые слова: археология, средневековье, кошельки/сумочки с металлическими пластинами, Венгрия, мадьяры, Ветлужско-Вятский регион, марийцы, хазары, Пермское Предуралье.

Для изучения культурных связей населения Ветлужско-Вятского междуречья значительный интерес представляют находки сумочек с лицевыми покрытиями из металлических пластин. Первое изделие такого типа в Ветлужско-Вятском междуречье было обнаружено на Веселовском могильнике в 1957 г. Данная находка обратила на себя внимание не только российских, но и венгерских археологов, и неоднократно публиковалась в различных изданиях. При этом следует отметить, что точки зрения относительно её происхождения существенно корректировались. И. Фодор первоначально считал сумочку восточным предшественником изделий подобного типа (Fodor, 1979, с. 69), а затем венгерским экспортным продуктом X в. (Fodor, 2008). Но, к сожалению, сама сумочка не сохранилась, что затрудняет возможность прове-

рить правоту высказанных гипотез. Позднее были обнаружены похожие находки на Русенихинском (Никитина, 2013, рис. 152, 155) (рис. 2: 3) и Анаткасинском (Никитина, 2016, с. 134, рис. 5–9) могильниках того же этнокультурного круга, что и Веселовский могильник. Но плохая сохранность находок не позволяла сделать полную реконструкцию.

В этом плане наиболее удачными были раскопки 2019 г. на вновь выявленном Красногорском могильнике.

Местонахождение. Красногорский могильник расположен в центре пгт. Красногорский Республики Марий Эл. Памятник занимает невысокую песчаную дюну в бассейне правого берега р. Илети, занятую постройками хозяйственного назначения.

Памятник открыт в 2018 г., изучался в 2019–2020 гг. Т.Б. Никитиной. В

¹ Проект «Археологическое исследование контактов между Венгрией и Востоком» («Наше восточное наследие»), Междисциплинарная исследовательская группа по истории и археологии Католического университета им. Петра Пазманя; ТКР2020-НКА-11) при поддержке программы Thematic Excellence Министерства национальных исследований Венгрии, развития и инновации при поддержке Программы династии Арпад, проект IV.2.

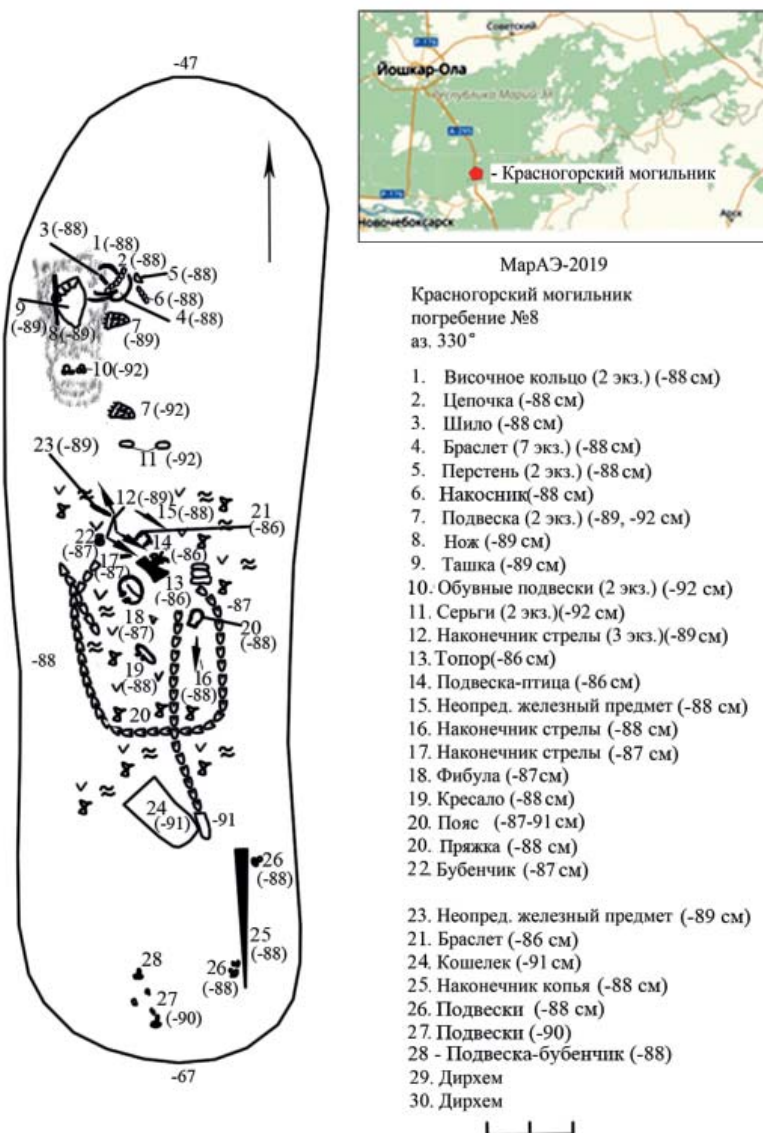

Рис. 1. План погребения 8 Красногорского могильника.

Fig. 1. Plan of the burial 8 of the Krasnogorsk burial ground.

настоящее время изучено 13 захоронений.

В погребении 8 был обнаружен кошелек/сумочка с металлической пластиной на крышке.

Могильное заполнение имело вытянутую овальную форму, светло-серый цвет со слабыми гуммированными включениями и большим количеством золы в нижней половине.

Кости и вещи лежали на одной глубине в придонной части (в пределах 87–92 см) (рис. 1).

От костяка сохранилась масса жжённых костей общим весом 1,5 кг. Кости представлены достаточно крупными фрагментами, отдельные из них (фрагменты черепа, фаланги пальцев) поддаются идентификации. Кости черепа располагались в север-

ной части скопления. Кости лежали достаточно компактным вытянутым пятном по центру ямы совместно с вещами и были завернуты в ткань и мех. Поверх свёртка обёрнут ремень. Положение вещей, особенно поясного набора, соответствует расположению при ингумации. Под вещами и костями сохранились фрагменты досок от подстилки. Вещи, в основной массе, следов огня не имеют. Только на некоторых наконечниках стрел заметны следы спекания, возможно, от воздействия огня: одна стрела имеет прокалённый конец.

Большинство вещей находилось совместно с массовым залеганием жжённых костей в центральной части могилы в следующем порядке: по центральной оси могильной ямы – две серьги (рис. 2: 8), по центру – три наконечника стрелы остриями в разные стороны (рис. 3: 5, 6, 8); чуть выше их расчищен втульчатый топор (рис. 3: 7), а под ним – два дирхема. К окалине лезвия топора прикипела подвеска из цветного металла в форме птицы (рис. 2: 10). Среди костей без видимой системы найдены также еще два наконечника стрелы (рис. 3: 1, 10), неопределённый железный предмет, крупная фибула (рис. 2: 11), калачевидное кресало (рис. 3: 2), браслет и круглый бубенчик (рис. 2: 9). Массив костей и вещей опоясывает кожаный ремень с накладками двух форм: сердцевидным и пятиугольным (рис. 2: 1–5). Накладки имели скошенные бортики, а внутри подкладку из бересты. Около окончания ремня расчищены фрагменты кошелька грушевидной формы из бобрового хвоста, привешенного к поясу на металлических цепочках (рис. 2: 19). Под поясом найдены три литых бубенчика и маленький фрагмент кожи с отверстиями для крепления этих бубенчиков (рис. 2: 12–14); вероятно, ещё от одного кошелька и неопределённый железный предмет. Под поясом в куче костей

также обнаружены тонкие пластинчатые накладки со шпеньками, положение которых зарисовать не удалось. В юго-восточной части могильной ямы обнаружен наконечник копья, положенный остриём к стенке (рис. 3: 7), и литые бубенчики на цепочках (рис. 2: 15–18).

В северо-западной части захоронения (что соответствует расположению в изголовье) зафиксирован автономный комплекс вещей, также завернутых в мех. Комплекс вещей включал, преимущественно, женские украшения из цветного металла: два височных кольца (рис. 4: 1, 2), фрагменты цепочки (рис. 4: 3) и кожаной ленты с рассыпавшимися накладками из белого металла, вероятно, от головного венчика или пояса (?), железное шило, семь браслетов (рис. 4: 8, 9), два перстня (рис. 4: 4, 5), наконечник из ремешков с колокольчиками на концах (рис. 5: 2), две арочные подвески с привесками (рис. 5: 1), две умбоновидные подвески (рис. 4: 6). В комплексе с женскими украшениями обнаружены также железный неопределённый предмет плохой сохранности, вероятно, нож и кошелек с металлической пластиной. В кошельке лежали кремь и трут, помещённые в мешочек из тонкой кожи.

Датировка и культурная принадлежность погребения 8.

В погребении 8 Красногорского могильника обнаружены две монеты Саманидов с именем Ахмад б. Исмаила: одна датирована 298 г. по х. (910/911 г. н. э.), другая – 301 г. по х. (913/914 г. н. э.) (определены к.и.н. Д.Г. Мухаметшиным). Накладки пятиугольной формы, наконечник ремня из серебряной пластины со шпеньками имеют аналогии в погребениях 19 и 35 Больше-Тиганского могильника, а сердцевидные накладки в погребении 51 этого же памятника (Халикова, Халиков, 2018, табл. XXVII: 9; XVI: 2, 29). Оформление наконечника и пяти-

Рис. 2. Инвентарь из погребения 8 Красногорского могильника:

1–11, 15–17, 19 – украшения; 12–14, 18 – фрагменты кошелька. 1, 2, 4–11, 12, 14–17, 19 – цветной металл; 3 – цветной металл, железо; 13–18 – цветной металл, кожа.

Fig. 2. Decorations from the burial 8 of the Krasnogorsk burial ground. 1–11, 15–17, 19 – adornment; 12–14, 18 – carrying case fragments; 3 – non-ferrous metal, iron; 13–18 – non-ferrous metal, leather.

угольных накладок также соответствует находкам из Лагеревских курганов IX–X в. на Южном Урале (Мажитов, 1981, рис. 37: 5) и погребения 256 Варнинского могильника (Семенов, 1980, табл. XIV: 1). Привески со спаренными и скрученными внутри спиралями аналогичны

украшениям с монетами из погребений 7 и 10 Мыдлань-Шая в Удмуртии (Генинг, 1962, с. 7–112, табл. 7: 4, 5), наиболее поздняя из которых датирована 206 г. по х. (821/822 г. н. э.) (Янина, 1962, с. 129–135, 136). В Варнинском могильнике на р. Чепце такие привески обнаружены в по-

Рис. 3. Оружие из погребения 8 Красногорского могильника.

1 – железо, цветной металл; 2–10 – железо.

Fig. 3. Weapons from the burial 8 of the Krasnogorsk burial ground.

1 – iron, non-ferrous metal; 2–10 – iron.

гребенях мыдлань-шайского этапа (Семенов, 1980, табл. VIII: 12, 18). В единичных случаях в муромских и мордовских захоронениях (погребение 74 Чулковского могильника; погребение 157 Крюково-Кужновского могильника) они сохранялись до X в. (Материалы по истории мордвы..., 1952, табл. XVIII: 6).

Таким образом, по совокупности находок украшений и монет данный комплекс можно датировать в пределах 1-й пол. X в.

Погребение совершено по традициям марийского населения эпохи

средневековья. Могильная яма с трупопосожжением по форме, глубине и размерам соответствовала могилам с ингумацией. Кремация трупа произведена на стороне и жжённые кости помещены в могильную яму обычных размеров. Основная масса жжённых костей завернута в одежду из шерсти, меха. Свёрток с костями поверх меха опоясан наборным поясом таким образом, как носили пояс при жизни человека. Вещи расположены в соответствии с их местами при обряде ингумации. Данный обряд по материалам могильников Ветлужско-Вят-

ского междуречья обозначен в числе этномаркеров марийской культуры X–XI в. и достаточно подробно был рассмотрен одним из авторов данной статьи (Никитина, 2010).

Основное погребение содержало мужской комплекс вещей, соответствующий статусным мужским захоронениям, хорошо изученным по материалам могильников Ветлужско-Вятского междуречья (Никитина, 2012), но конкретных этнических маркеров среди мужского набора в погребении 8 выделить не удалось. Все обнаруженные вещи имеют распространение на обширной территории Восточной Европы.

Для определения этнокультурной принадлежности наиболее выразительны женские украшения, входящие в комплекс вещей, расположенных в северном углу могильной ямы. Головной убор состоял из повязки-венчика, от которого сохранились небольшие фрагменты кожаной ленты и тлен от накладок из белого металла, а также металлической цепочки, предназначенной для обёртывания вокруг головы не менее чем в 2 ряда, двух браслетообразных височных колец с отогнутым концом. В целом этот набор украшений соответствует головным уборам из Веселовского (Халиков, Безухова, 1960, рис. 38), Русенихинского (Никитина, 2018, рис. 25) и других марийских могильников. Накосник из ремешков имеет аналогии среди украшений Юмского (Загребинского) (Никитина, 2012, рис. 125, 126, 129), «Нижняя стрелка» (Никитина, 2012, рис. 161) и Кочергинского (Талицкий, 1940, табл. 1: 8) могильников; его можно сравнить с широко распространенным в XVI–XVII в. у марийцев украшением «ўпинэ», (Никитина, 1992, рис. 22).

Таким образом, по вещевому комплексу и погребальному обряду погребение 8 Красногорского мо-

гильника соответствует марийским захоронениям эпохи средневековья.

Особый интерес вызывает кошелек/сумочка, входящий в дополнительный комплекс вещей в северной части погребения.

Описание и реконструкция кошелька/сумочки

В процессе обследования кошелька методами естественных наук получена информация, позволяющая построить гипотезы о месте производства и путях проникновения этого артефакта, а также особенностях его изготовления. Исходя из результатов комплексного изучения составляющих деталей и реставрации изделия², возможно сделать реконструкцию общего облика предмета. Размеры сумочки: высота – 10,8 см, ширина в верхней части – 9 см, в нижней – 10,3 см, и по внешнему облику соответствует типу сумочек-ташек, известных по работам венгерских исследователей. Закрывающий клапан сумочки покрыт орнаментированной пластиной из цветного металла, а с внутренней стороны имеется подкладка из войлока и ткани растительного происхождения. В качестве подкладки внутренней части основной ёмкости использован шёлк (?).

На основу пластины, имеющей значительный процент серебра, способом гравировки нанесён сложный орнамент. Фигуры выглядят серебристыми, а поле между фигурами позолочено (огневое), что оптически подчёркивает контуры. Позолота нанесена поверх рисунка небрежно – в области клюва, ушей и на тулове животных и краях побегов заметны значительные затёки позолоты.

Лицевая поверхность накладки разделена перевитыми побегами (растительными плетями) на 4 зоны, образующие медальоны неправильной формы с подобием креста в центре. Побеги (плетя) переплетаются друг

Рис. 4. Красногорский могильник, погребение 8.
Вещи из дополнительного комплекса: 1–9 – украшения, цветной металл.

Fig. 4. Krasnogorsk burial ground, burial 8.
Items from the additional complex: 1–9 – adornment, non-ferrous metal.

с другом вдоль вертикальной оси и «сливаются» по горизонтальной оси. Для завершённости изображения ювелир использовал двойные полу-круглые арки, характерные для орнамента венгерских растительных декоров. Внутренняя часть плетей заполнена мотивами ёлочки, которые известны в венгерской материальной культуре (навершие эфеса сабли погребения П/52 могильника Карош (The Ancient Hungarians, 1996, с. 96–97) и на предметах с «предположительным венгерским происхождением» (навершие эфеса сабли фонда Марджани,

накладка кинжала из Коробчино (Комар, 2018, рис. 11: 1, 2)). На последних можно наблюдать запутывание плетей с ёлочкой, в то время как на артефакте из Кароша находят ветвь, отмеченную дугообразным элементом деления (в данном случае простую, не дублированную).

В каждой зоне помещено одинаковое животное. Животные расположены в профиль, лицевой частью к центру накладки. Головы имеют крупный клюв и выраженный глаз, изображённые с помощью простых линий. Интересной является идущая

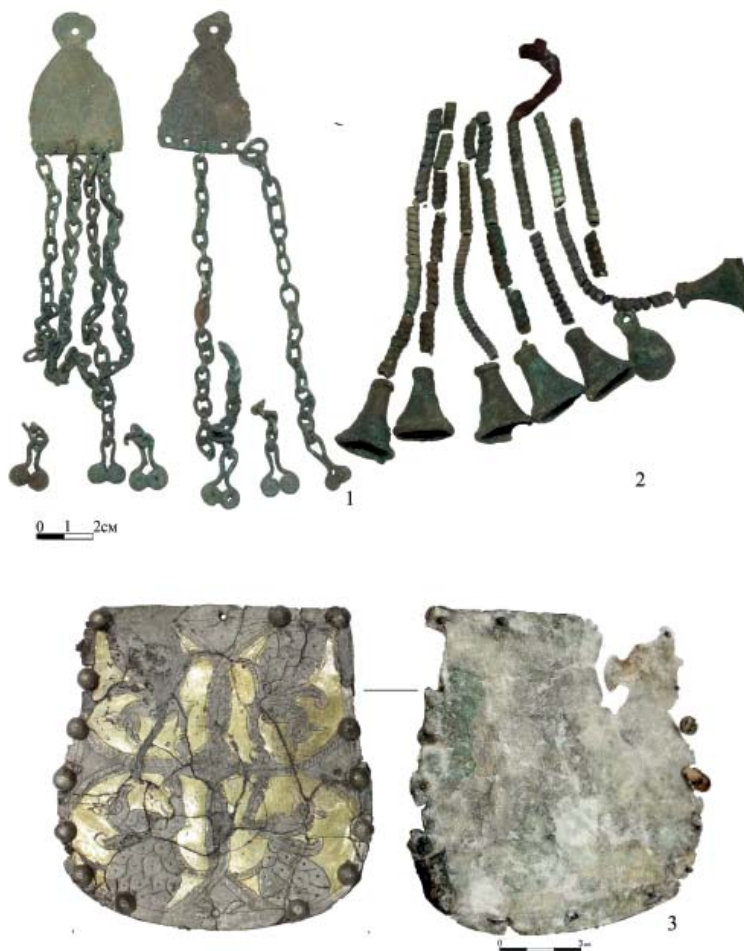

Рис. 5. Красногорский могильник, погребение 8. Вещи из дополнительного комплекса: 1 – нагрудные подвески; 2 – накосник; 3 – пластина на крышку сумочки.

1, 2 – цветной металл; 3 – цветной металл, кожа.

Fig. 5. Krasnogorsk burial ground, burial 8. Items from the additional complex: 1 – chest pendants; 2 – cover for braids; 3 – plate on the cover of the handbag; 1, 2 – non-ferrous metal; 3 – non-ferrous metal, leather.

вдоль верхнего края их шеи спончатая полоса, ограниченная внутренней контурной линией, параллель которой известна на изображениях волосяной косы Karos II/47 (Révész, 1996, рис. 65, 66). Ноги животных удивительно сложны по сравнению с их головами. Ювелир детально проработал когти на передних конечностях, запястье изобразил двойной линией и даже наметил штрихами волосяной покров в нижних частях ног. Определить видовую принадлежность изо-

бражённых животных или дать точную трактовку образа невозможно. Они обладают внешними признаками грифона: голова птицы с загнутым сильным клювом хищника и поднятыми ушами, четыре конечности, две из которых кошачьи лапы, крылья. Но изображение не соответствует классическому изображению грифона: крылья очень миниатюрные и скорее напоминают лепестки пальмет, характерных для растительного орнамента венгерской металлопластики. Крылья

грифонов заканчиваются на первом завитке, их внутренняя орнаментация, как и у плетей, представляет собой «узор ёлочки». Задние конечности животных слабые (что не обычно для грифона), не имеют чёткого выраженного оформления и скорее похожи на орнаментальные полосы. Тело существа имеет раздутые очертания, покрытые опереньем (?), напоминающим павлина на торевтике сасанидского круга (рис. 6: 7).

В целом, проработка фигур животных, как и других элементов пластины, несколько неуклюжа и схематична. В рамках контурных линий, разграничивающих изображения растений и животных, мастер использовал лишь несколько линий, точек и косых линий (штриховку), иные пластические решения (забивание фона глубже или тиснение некоторых элементов образца, выпуклый рисунок) не применялись. Отличаются простотой и серебряные заклёпки по контуру изделия. По контуру пластины прочерченной линией обозначена полоска, на которой помещены 18 перлов со съёмной головкой, оформленной выпуклой шляпкой. Головка крепилась на ножку, расклёпанную с обратной стороны.

Точных аналогий данному рисунку нам не удалось найти, но отдельные детали в оформлении пластины обнаруживают общее сходство с фигурами на металлических изделиях из других синхронных памятников. Голова с ушами, крупным глазом и клювовидным выступом в передней части читается на металлических накладках на сумке из погребения 52 Дубовского марийского могильника (рис. 6: 5), которое датировано 1-й пол. X в. (Никитина, 2012, с. 69). Аналогичное оформление головы у зооморфных фигур имеется на накладках сумочки из погребения 2 Пановского мордовского могильника (рис. 6: 4–4b).

В Карпатском регионе известно изображение двух мифических крылатых существ только на одной сумочке из Тисабездеда (рис. 6: 3). Образы являются крылатыми собаками (сенмурвы, симурги (?)), но с одним из них животные с кошелька/сумочки из погребения 8 Красногорского могильника имеют общие черты в оформлении головы и орнаментации тулова.

Нужно признать, что художественные приёмы при изображении животных на всех территориях сохраняют постсасанидские традиции. Голова грифона имеет сходство с грифоном на сасанидском серебряном блюде VI–VII в. из Пергамон-музея в г. Берлине (Микаелян, 2017, с. 258) (рис. 6: 2). Тулово существа на сумочке из Красногорского могильника плотно заполнено по принципу чешуи контурами овальноподромбических форм в центре с точкой. Обычно такой рисунок обозначает оперенье птиц, реже заполняет тело животных (Маршак, 1971, с. 188; 2017).

На первый взгляд, орнаментация пластины обнаруженного кошелька/сумочки явно напоминает узор византийских и согдийских шелков с медальонами с фигурами животных. Это не первая известная пластина кошелька, узор которой, как полагают, берёт свое начало от орнамента с медальоном на шёлковой ткани. Одна из пластин в коллекции Марджани (Руденко, 2016, с. 339, рис. 252), а также композиция пластины Дунавече-Фехередьхаза (Őseinket felhozád, 1996, с. 308) предполагают подобные прообразы. Можно предположить, что ювелир имел в качестве образца конкретную шёлковую ткань или крышку, украшенную шёлком. Стоит обратить внимание ещё раз на положение животных. Если смотреть по вертикальной оси, то они расположены парами, туловищами и лицевой частью навстречу друг к другу. В ка-

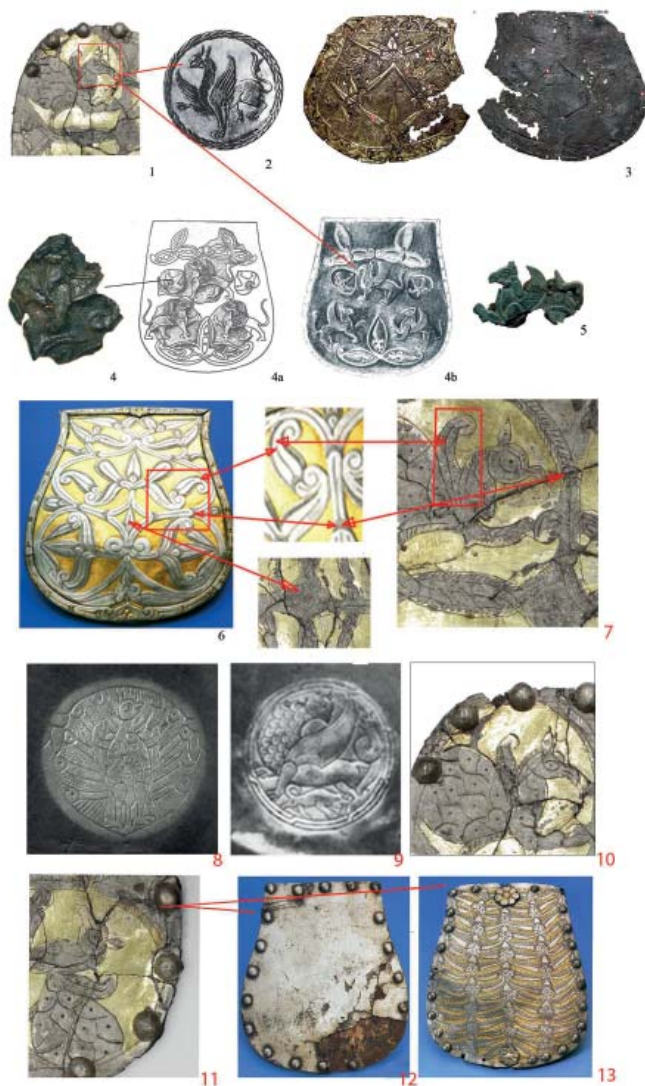

Рис. 6. 1, 7, 10, 11 – фрагменты накладки на кошелек из погребения 8 Красногорского могильника; 2 – сасанидское серебряное блюдо, Пергамон-музей в г. Берлине (по: Микаелян, 2017, с. 258); 3 – пластина на кошелек, Тизабездед (по: Krylaszova, Belavin, Türk, 2014, fig. 2); 4–4b – фрагмент и реконструкция накладки на кошелек, Пановский могильник, погребение 2 (по: Krylaszova, Belavin, Türk, 2013); 5 – накладка на кошелек, Дубовский могильник, погребение 52; 6, 12, 13 – пластины на сумочки из Карпатского региона (по: The Ancient Hungarians. 1996, p. 112, 126, 318); 8 – медальон на крышке серебряной чаши, Ненецкий национальный округ (по: Даркевич, 1975, с. 108); 9 – орнамент на серебряном блюде, с. Укан Удмуртия (по: Маршак, 2017, рис. 129).

Fig. 6. 1, 7, 10, 11 – fragment of the purse cover from the burial 8 of the Krasnogorsk burial ground; 2 – Sassanid silver dish, Pergamon Museum in Berlin (by Mikaelyan, 2017, p. 258); 3 – overlay plate on purse, Tizabzeded (by Krylaszova, Belavin, Türk, 2014, fig. 2); 4–4b – fragment and reconstruction of the overlay on purse, Panovskiy burial ground, burial 2 (by Krylaszova, Belavin, Türk, 2013); 5 – overlay on purse, Dubovsky burial ground, burial 52; 6, 12, 13 – purse overlay from the Carpathian region (by The Ancient Hungarians. 1996, p. 112, 126, 318); 8 – medallion on the lid of a silver bowl, Nenets Autonomous Okrug (by Darkevich, 1975, p. 108); 9 – ornament on a silver platter, Ukan village, Udmurtia (by Marshak, 2017, fig. 129).

честве аналогий можно сравнить уже упомянутую пластину из погребения (жк) 19 Веселовского могильника.

Интерпретация

Для того, чтобы определить место изготовления кошелька/сумочки из Красногорского могильника или рассмотреть её в системе культурных связей Восточной Европы, необходимо вернуться к историографии вопроса о территории распространения и мест изготовления сумочек с металлическими пластинами.

Ношение кошельков было очень распространённой практикой среди разных народов в раннем средневековье. Кошелки, украшенные накладками и пластинами, хорошо известны с X в. в Восточно-Европейском регионе и даже встречаются на некоторых скандинавских могильниках (Novicsihin, Lezsák, Gáll, 2017, с. 69; Füredi, 2016, с. 67). Кошельки, украшенные накладками и пластинами, имеющие археологическую и художественную ценность, стали частью венгерского национального самосознания (Füredi, 2016, с. 67), так как большинство предметов известны в Карпатском регионе.

В настоящее время в историографии обозначены 3 места изготовления этих изделий: 1) в Карпатском регионе (Fodor, 2017; Dienes, 1964, с. 81); 2) в Хазарии (Путешествие Ибн Фаблана, с. 338–340; Руденко, 2018, с. 323, 325); 3) в уральских мастерских (Крыласова, Белавин, 2018, с. 115). Каждой территории свойственна своя группа изделий с характерными признаками, на основе которых сформулированы различные точки зрения о появлении и распространении вещей соответствующего типа.

1. *Карпатский регион.* Вскоре после начала археологии эпохи завоевания родины были найдены первые пластины кошельков/сумочек. В 1868 г. Флориш Ромер, отец венгерской археологии, опубликовал предмет из

Гальгоца (сегодня: Hlohovec, Словакия) у р. Ваг. Предмет происходил из разрушенного погребения, поэтому было трудно определить его место ношения. Ф. Ромер правильно признал, что пластина соответствует «крышке гусарского кошелька» (Langó, 2007, с. 75–76). В 1870 г. в Закарпатье при раскопках Тивадаром Легоцким в Сольве найден следующий предмет, который был украшен пальметной сеткой. В погребении Сольвы у черепа была найдена пластина *in situ* вместе с корродированными войлочными останками (Lehoczky, 1870). На основании этих находок пластины кошельков/сумочек долгое время определялись как украшения головного убора, хотя Ференц Пульски считал их нижней частью колчана (Langó, 2007, с. 80). В настоящее время благодаря новым находкам, которые удалось обнаружить *in situ* на месте ношения, стало ясно, что Ф. Ромер был прав в отношении интерпретации этого типа предметов. Это было подтверждено благодаря раскопкам Андраша Йоша и его подробным наблюдениям (Langó, 2007, с. 59, 93–95), а также подтверждено находкой кошелька из Тисабездеда в 1896 г., у которого, к счастью, сохранились не только металлические украшения, но и почти весь кожаный кошелёк (Füredi, 2016, с. 71).

В настоящее время известно 27 металлических пластин на кошельки (Füredi, 2016, с. 71), количество которых увеличено до 29 экз. двумя новыми находками, обнаруженными у д. Пать в январе 2022 г. Эта цифра не включает фрагменты изделий из Реткёзберенч-Паромдомб, которые отдельными исследователями идентифицированы как части пластин на кошельки. По нашему мнению, экземпляр из Реткёзберенча, сохранившийся в небольшом фрагменте³, и железная пластина из Туркеве, которая когда-то предположительно образовала заднюю часть пластины кошелька,

Рис. 7. Русенихинский могильник, жертвенный комплекс 8:
А – фрагмент накладки на кошелек; 1–9 – украшения. А – металлическая фольга;
1–8 – цветной металл; 9 – цветной металл, кожа.

Fig. 8. Rusenikha burial ground, sacrificial complex 8: A – fragment of overlay on purse;
1–9 – adornment. A – metal foil; 1–8 – non-ferrous metal; 9 – non-ferrous metal, leather.

отличаются типологически (Őseinket felhozád, 1996, с. 296).

Для изделий Карпатского региона характерны следующие черты: пластины представляют собой сплошное покрытие из тонкого листа металла; узор нанесён контурно, реже рельефной чеканкой; в большинстве случаев серебристое изображение располагается на позолоченном фоне; некоторые изделия имеют бордюр из перлов со съёмной головкой на ножке, закреплённой с помощью клепки; орнамент растительный из переплетённых пальметт. Изображение мифических зооморфных существ имеется только на одной пластине из Тисабездеда.

Социально-исторический анализ погребений, содержащих пластины от кошельков, был проведен Иштваном Диенешом в 1964 г., по мнению которого, эти объекты, возможно, имели высокий социальный статус и были связаны с представителями династии (Dienes, 1964, с. 81). Эту точку зрения поддержал Ласло Ревес (Révész, 1996, с. 149) и другие исследователи (Gáll, 2019, с. 131). Недоказанность этой интерпретации была в основном подчеркнута Эстером Иштвановичем (Istvánovits, 2003, с. 325).

2. *Находки из фонда Марджани.* Достаточно заметный интерес вызвали пластины на кошельки/сумочки

из фонда Марджани, которые стали известны в 2016 г. после выставки «Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара», посвящённой знаменитому арабскому дипломату X в. Ахмаду Ибн Фадлану. Пластины представлены тремя экземплярами, точное место обнаружения которых, к сожалению, неизвестно. Однако даже без существующей документации на эти находки можно сделать вывод, что они сделаны в одной мастерской и существенно отличаются от всех других известных находок по ряду позиций. Форма кошелька приближается к лировидной и в большей степени соответствует лировидным (грушевидным) кошелькам из бобровых хвостов, известных на широкой территории Урало-Поволжской зоны. Пластины достаточно прочные, изготовлены из серебра, имеют железную подкладку, отличаясь таким образом от других известных находок. Узор из позолоченных фигур выполнен на серебряном фоне, что не соответствует пластинам из Карпатского региона.

Впервые они были опубликованы К.А. Руденко в каталоге выставки, посвященной путешествию Ибн Фадлана, который предположил их производство в Хазарии (Путешествие Ибн Фадлана, 2016, с. 338–340). Иштван Фодор резко критиковал идею хазарского происхождения пластин (Fodor, 2017). Согласно его оценке, опубликованной в 2017 г., первые венгерские пластины на кошельки могут быть датированы началом X в., но их изготовление было возможным только в первой половине века или в первых двух третях века. Однако орнамент формально похожих пластин из фонда Марджани принципиально отличается от венгерских пластин эпохи завоевания родины. Он обратил внимание на то, что в салтовском периоде известны кошельки с накладками только на Северном Кавказе у алан,

но не из района рек Сал и Маныч, связанных с ареалом расселения хазарского этноса. Поэтому трудно понять, как представленные «хазарские» кошельки могли быть созданы здесь без предшественников. Первые экземпляры венгерских пластин, должно быть, были сделаны в первые годы, примерно во время завоевания – уже в Карпатском бассейне.

Остаётся выразить сожаление, что такой замечательный материал депортирован, отчего не сможет служить источником для объективных выводов.

Основываясь на находках коллекции Марджани, после И. Фодора, Э. Галль и Г. Лежак опубликовали большой обзор о пластинах восточных кошельков (Gáll, Lezsák, 2018). В своём анализе они указали, что хронологически нельзя датировать попадание в землю какой-либо пластины кошельков из Карпатского бассейна до 920–930 гг., а также ни один экземпляр не датируется позднее последних десятилетий X в. По их мнению, хронология образцов, обнаруженных на территории России, имеет дату ранее периода завоевания родины, особенно в связи с находкой Русенихи. Аргумент И. Фодора относительно их венгерского экспорта они считали неубедительным. Возможные связи между распространением находок от Скандинавии до Карпатского бассейна и отсюда в Поволжье и Прикамье сравнивались с распространением арабских дирхемов, выпущенных в 1-й пол. X в. Существование торговых сетей было доказано огромным количеством дирхемских находок VIII в. и первых двух четвертей X в., известных от Кавказа до Скандинавии. Регионы, где встречаются пластины кошельков, расположены на стыках великих евразийских торговых путей, и это указывает на «международный» и не венгерский характер этого типа предмета. В высказываниях о вен-

Рис. 8. Анаткасинский могильник, погребение 7: А – фрагмент кошелька;
2–5, 7–9 – украшения; 6 – нож. А – кожа; 1 – металлическая фольга;
2 – кожа, цветной металл; 3–5, 7–9 – цветной металл; 6 – железо, дерево.

Fig. 8 – Anatkasy burial ground, burial 7: А – purse fragment; 2–5, 7–9 – adornment; 6 – knife;
1 – metal foil; 2 – leather, non-ferrous metal; 3–5, 7–9 – non-ferrous metal; 6 – iron, wood.

герском происхождении они видели упрощение прежних социально-исторических процессов, не учитывающих сеть купцов, передвигающихся между арабской, хазарской, поволжской болгарской и русской территориями между VIII и X в., а также деятельность бродячих ремесленников. Находки фонда Марджани также находятся на карте распространения, но в отличие от К.А. Руденко и И. Фодора, они изображали совершенно неизвестные по происхождению предметы в южной части хазарской культуры, где они не имеют аналогии.

3. *Пермское Предуралье*. В настоящее время достаточно чётко сформулированы особенности урало-венгерского художественного стиля (Федорова, 2003; Карачаров, 2005, с. 52), в рамках которого интерпретированы лицевые накладки на поясные сумочки из Пермского Предуралья: две из них обнаружены в погребениях 137 и 279 Баяновского могильника и одна, предположительно более ранняя, является случайной находкой (Белавин, Крыласова, Подосенова, 2017, с. 111). Нам кажется, что трёх находок недостаточно для надёжного

обоснования критериев особого стиля, но в качестве гипотезы система доказательств логична и может быть принята.

Изделия этого круга отличают следующие особенности, выделенные пермскими исследователями: в центральной части лицевой пластины имелось прямоугольное отверстие для скобы; орнамент нанесён способом дрозжировки; в орнаментации присутствует выделение центральной вертикальной малоорнаментированной полосы, разделяющей пластину на две орнаментальные зоны; наивное, «нехудожественное» изображение антропоморфных и зооморфных фигур; ряд перлов по контуру изделия, выполненных чеканкой.

Нужно признать, что все перечисленные изделия, несмотря на их высокохудожественную ценность, не являются равнозначными источниками для объективных исторических выводов; из них самые лучшие по сохранности (предметы из фонда Марджани и одна пластина из Пермского края, превращённая в погребальную маску) находятся в коллекциях случайных находок и не связаны с конкретными историческими памятниками. Часть пластин, имеющих очень плохую сохранность, содержит лишь частичную информацию для характеристики предмета, но ценны тем, что связаны с конкретными памятниками и даже погребениями (Баяновские, Крюково-Кужновская и Анаткасинская сумочки).

Ветлужско-Вятское междуречье. В последние годы были сделаны новые находки накладных металлических пластин на кошельки/сумочки в могильниках Ветлужско-Вятского междуречья, связанных с марийской культурой (4 экз.). Все они связаны с комплексами, содержащими предметы мужской культуры: два (погребение⁴ или жк 19 Веселовского могильника и жк 8 Русенихинского

могильника) входили в состав жертвенных комплексов, зарытых на территории кладбищ между погребениями, в погребении 8 Красногорского могильника сумочка обнаружена в дарственном комплексе, положенном мужчине в изголовье, и только в одном случае такая сумочка зафиксирована в составе поясного набора мужского труположения (погребение 7 Анаткасинского могильника).

Три предмета (из Веселовского, Русенихинского и Анаткасинского могильников) имеют разную сохранность, но даже при визуальном осмотре очевидно их сходство. Они выполнены из сплава цветного металла белого цвета. Накладка из Веселовского могильника публиковалась несколько раз различными исследователями (Архипов, 1973, рис. 49; Никитина, 2013, рис. 1, 2; Diénes, 1964, с. 79–112; Erdélyi, 2008; Fodor, 1982; 1979; 2008, с. 163–171; 2013, с. 457–470; Fodor, 2017, с. 723–731) и сюжет двух львов, опирающихся на центральную ось, символизирующую древо жизни, в настоящее время известен всем исследователям, занимающимся X в. Изображение на пластине из жк 8 Русенихинского могильника сохранилось значительно хуже (только нижняя часть пластины). Но силуэты львов и даже их поза совпадают с изображением на Веселовской пластине (рис. 7). Отличается только центральная ось, оформленная растительным орнаментом. В Анаткасинском могильнике, напротив, сохранился только небольшой фрагмент с центральной осью, украшенной сердцевидными изображениями, близкими мелким накладками на узких ремешках для крышек поясных сумочек (рис. 8).

В связи с новыми работами венгерских исследователей (Fodor, 2017; Gáll, Lezsák, 2018), о которых шла речь выше, хочется дополнительно вернуться к вопросу о датировке пла-

стин на кошельки из древнемарийских могильников. Напомним, что И. Фодор в своих последних работах по этой тематике был убеждён, что пластины из древнемарийских могильников датируются, как и венгерские, началом X в. (Fodor, 2017). Новым элементом его аргументации стало украшение пластины Русенихинского могильника, имитирующее закрывающий ремешок, который он датировал началом X в., следуя викингским параллелям в Бирке. Приблизительно этим же периодом датируют материал и другие исследователи. Одним из авторов данной статьи, Т.Б. Никитиной, датировка погребения 19 Веселовского могильника была первоначально установлена в пределах X в. (Никитина, 2012, с. 63). После удачного обнаружения двух утерянных монет из этого комплекса и определения их Д.Г. Мухаметшиным удалось сделать уточнение. Одна монета с двумя отверстиями династии Саманидов имеет надпись имени Ата-Таи билах, правившего в пределах 946–991 гг. Вторая монета с одним отверстием датирована более точно – 951/952 г. Таким образом, стало очевидным, что погребение относится ко 2-й пол. X в. Жк 8 Русенихинского могильника содержит немногочисленный инвентарь, нумизматического материала не обнаружено (рис. 7). В составе поясного набора обнаружены интересные серебряные (?) накладки из тонкого листа, близкого к фольге с рельефным орнаментом. Абсолютно идентичные накладки в жк 5 этого же могильника найдены совместно с четырьмя денежными единицами. По определению Д.Г. Мухаметшина и А.А. Гомзина, оттиски с бувайхидских или саманидских дирхемов относятся к 378 г. по х. (988/989 г. н. э.) (Мухаметшин, Гомзин, 2018, с. 244). Такие же накладки обнаружены еще в погребении 13 Русенихинского могильника с вещами, которые имеют облик кон.

X в. Во всяком случае, поясная подвеска с шумящими привесками близка украшению из погребения 8 этого же могильника с монетой Семджуридов и датирована 1-й пол. 380-х гг. по х. (Мухаметшин, Гомзин, 2018, с. 245). Поэтому, вероятно, жк 8 Русенихинского могильника тоже имеет дату не ранее сер. X в. Наконечник от ремешка и мелкие накладки на ремешок по оформлению близки вещам из венгерских могильников, обнаруженным совместно с сумочками такого типа (The Ancient Hungarians, 1996, с. 186).

Для датировки погребения 7 Анаткасинского могильника (рис. 8) также можно использовать пряжку от пояса. Пряжка с виноградной лозой аналогична по оформлению наконечнику из погребения 73 Дубовского могильника (Никитина, 2012, рис. 277). Несмотря на то, что в погребении обнаружен саманидский дирхем с чеканом Наср ибн Ахмеда 315 г. по х. (927/928 г.), по вещам погребение датировано 2-й пол. X в. (Никитина, 2012, с. 71).

К погребениям с пластинами типа Веселовской приближается датировка погребения 472 Крюково-Кужновского мордовского могильника, которое входит в группу стадии 11, датированной X – 1-й пол. XI в. (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 146–147).

Более ранний облик имеет погребение 8 Красногорского могильника, которое относится к 1-й пол. X в. (об этом смотри выше) и по дате совпадает с погребениями Баяновского могильника в Пермском Предуралье (Подосенова, 2018, с. 133).

Следует отметить, что обнаруженная нами сумочка в Красногорском могильнике не имеет полного сходства ни с одной из рассмотренных выше групп изделий. Наибольшую близость она обнаруживает с венгерскими изделиями: сплошная пластина из тонкого листа металла без четырехугольного отверстия для ремешка,

выделение каймы по краю изделия, орнаментированной перлами с выпуклой съёмной головкой, использование в орнаментации растительного орнамента, серебристый рисунок на золочёном фоне, рельефная чеканка. Использование зооморфных изображений, небрежная техника нанесения рисунка, сплав с низким содержанием (менее половины) серебра не позволя-

ют считать её полной копией венгерских пластин. Возможно, что данное изделие было произведено недалеко от места расположения могильника, но мастер безусловно был связан с венгерскими традициями. Пластины типа Веселовской относятся к иному хронологическому горизонту, и возможны другие пути их попадания на эту территорию.

Примечание:

² Результаты комплексного исследования опубликованы в отдельной статье.

³ Определение фрагмента в качестве пластины кошелька также сомнительно (Istvánovits, 2003, с. 178).

⁴ Погребением он был назван в 1957 г., когда ещё не было чёткого представления о жертвенных комплексах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архипов Г.А.* Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1973. 198 с.
2. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А.* Лицевые накладки поясных сумочек «Венгерского типа» из Волго-Камья // Вестник Пермского университета. Серия История. 2017. Вып. 1 (36) С. 107–121.
3. *Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.И.* Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья / Научн. ред. И.М. Петербургский. Саранск: Республиканская типография «Красный октябрь», 2008. 352 с.
4. *Генинг В.Ф.* Мыдлань-Шай – удмуртский могильник VIII–IX вв. // Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай / ВАУ. Вып. 3 / Отв. ред. Е.Г. Сувор. Свердловск: УрГУ, 1962. С. 7–112.
5. *Даркевич В.П.* Светское искусство Византии: Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII века. М.: Искусство, 1975. 350 с.
6. *Карачаров К.Г.* Magna Hungaria: Искусство Уральской Венгрии // Platinum. 2005. № 2. С. 52–53.
7. *Комар А.* История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. Budapest, 2018. 424 с.
8. *Крыласова Н.Б., Белавин А.М.* Поясные сумочки из Предуралья и их распространение в Европе // III Международный мадьярский симпозиум. Будапешт, 6–10 июня 2016 г. / Ред. А.Тюрк, А.С. Зеленков. Budapest, 2018. С. 103–120.
9. *Мажитов Н.А.* Курганы Южного Урала VIII–XII в. 1981. М.: Наука. 166 с.
10. *Маршак Б.А.* История восточной торевтики III–XIII вв. и проблемы культурной преемственности. СПб: Академия исследования культуры, 2017. 736 с.
11. *Маршак Б.И.* Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1971. 156 с.
12. Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. (Дневник археологических раскопок П.П. Иванова) / Отв. ред. А.П. Смирнов. Моршанск: Изд-во Моршан. краевед. музея, 1952. 231 с.
13. *Микаелян Л.* «Расцветшие» животные в искусстве Сасанидского Ирана и средневековой пластике Армении X–XIV веков // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Вып. 7 / Ред. С.В. Мальцева, Е.Ю. Станюкович-Денисова, А.В. Захарова. СПб.: СПбГУ, 2017. С. 256–258.
14. *Мухаметшин Д.Г., Гомзин А.А.* Нумизматический материал из Русенихинского могильника // Археология Евразийских степей. 2018. № 3. С. 242–255
15. *Никитина Т.Б.* Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.) по материалам могильников. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. 159 с.
16. *Никитина Т.Б.* Погребения с трупосожжением в могильниках Поволжья IX–XI вв. // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 5 / Ред. Ю.А. Зеленева, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарГУ, МарНИИЯЛИ, 2010. С. 118–121.

17. Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Археология Евразийских степей. Вып. 14. Казань: Отечество, 2012. 408 с.

18. Никитина Т.Б. Поясные кошельки/сумочки в средневековых могильниках Ветлужско-Вятского междуречья // Поволжская археология. 2013. № 2. С. 151–161.

19. Никитина Т.Б. Русенихинский могильник // Археология Евразийских степей. 2018. № 3. 240 с.

20. Подосенова Ю.А. «Древневенгерские» изделия из серебра на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья // III Международный мадьярский симпозиум. Будапешт, 6–10 июня 2016 г. / Ред. А. Тюрк, А.С. Зеленков. Budapest, 2018. С. 121–136.

21. Путешествие ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки / Сост. А.И. Торгоев, И.Р. Ахмедов. М.: Издательский дом Марджани, 2016. 560 с.

22. Руденко К.А. Великая Венгрия и Леведия: венгры в Хазарии // Путешествие ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки / Сост. А.И. Торгоев, И.Р. Ахмедов. М.: Издательский дом Марджани, 2016. С. 168–174.

23. Руденко К.А. Новые материалы по культуре древних венгров в Приуралье // III Международный мадьярский симпозиум. Будапешт, 6–10 июня 2016 г. / Ред. А. Тюрк, А.С. Зеленков. Budapest, 2018. С. 305–334.

24. Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник полемской культуры / Науч. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1980. С. 5–135.

25. Талицкий М.В. Кочергинский могильник // МИА. № 1 / Под ред. П.Н. Третьякова. М.-Л.: АН СССР, 1940. С. 159–168 с.

26. Федорова Н.В. Торевтика Волжской Болгарии. Серебряные изделия X–XIV вв. из зауральских коллекций // Труды КАЭЭ. Вып. 3 / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2003. С. 138–154.

27. Халиков А.Х., Безухова Е.А. Материалы к древней истории Поволжья (археологические исследования в Ветлужском районе Горьковской области в 1957 году). Горький, 1960. 60 с.

28. Халикова Е.А., Халиков А.Х. Ранние венгры на Каме и Урале. (Больше-Тиганский могильник // Археология евразийских степей. Вып. 25. Казань: Фэн, 2018. 144 с.

29. Янина С.А. Куфические монеты из могильника Мыдлань-Шай // Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай / ВАУ. Вып. 3 / Отв. ред. Е.Г. Сувор. Свердловск: УрГУ, 1962. С. 129–139.

30. „Öseinket felhozád...” 1996. Fodor I. (szerk.): „Öseinket felhozád...” A honfoglaló magyarság. Kiállítási katalógus. Budapest 1996.

31. Dienes I. Honfoglalás kori tarsolyainkról. In Folia Archaeologica 1964, № 16. P. 79–112.

32. Erdélyi I. Scythia Hungarica. A honfoglalás előtti Magyarország régészeti iemlékei. Budapest: Mundus Magyar Egyetemi Kiadó, 2008. 243 p.

33. Fodor I. A bezdédi tarsolylemez MNM: Kiállításil apok. Budapest, 1979.

34. Fodor I. Az őscseremisztarsolylemez. In Ünnepi íráskor Berezcki Gábor tiszteletére. Urálisztkai Tanulmányok 19. / Szerk.: Berezcki A. et al. Budapest, 2008, 163–171.

35. Föder I. Honfoglalás kori tarsolylemezeink és keleti párhuzamaik. In Magyar Tudomány 178, 2017, № 6. С. 723–731.

36. Fodor I. In Search of a New Homeland. The Prehistory of the Hungarian People and the Conquest. Budapest: Corvina, 1982, 364 p.

37. Fodor I. Östörténet és honfoglalás. [Magyarország Története 1.] Kossuth Kiadó, Budapest, 2009.

38. Fodor I. A veszeloivi tarsolylemez. In A honfoglaláskor kutatásának legújabb eredményei: Tanulmányok Kovács László 70. születésnapjára. Monográfiák a Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszékéről 3. Szerk.: Révész L. Wolf M. Szeged: Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszék 2013, 457–470.

39. Füredi Á. Honfoglalás kori tarsolylemez Pest megyében. A bugyi-felsőványi 2. sír. In Archaeologiai Értesítő 2012, № 137. P. 207–234.

40. Füredi Á. Tarsolyok. Rubicon 27:7 (2016. július) pp. 66–71.

41. Gáll E. A hatalom forrása és a magyar honfoglalás – hódítás és integráció. A korai magyar történelem egy régész szemszögéből (The source of power and the Hungarian Con-

quest. Early Hungarian history through the eyes of an archaeologist). In *A Magyarorság kutató Intézet Kiadványai 2*. Budapest: Magyarorság kutató Intézet, 2019, 331c.

42. Gáll E., M. Lezsák G. A view from the West to the East. An analysis of the characteristics, chronology, and distribution of the sabretache plates in the 10th century. In *Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters*. 2018, № 46. P. 85–112.

43. <https://diary.ru/~egor-lis/h175880747/обращение> 05.03.2022.

44. Istvánovits E. A. Rétközön foglалás és Árpád-kori emlékanyaga (Das Landnahme und arpadenzeitliche Nachlassmaterial des Rétköz). *Régészeti Gyűjtemények Nyíregyházán 2*. Magyar országbon foglалás és kora Árpád-kori sírleletei 4. Nyíregyháza 2003. 499 p.

45. Krylaszova N.B., Belavin A.M., Türk A. Újabb adatok a honfoglалás kori tarsolyok és tüzkésztségek klasszifikációjához Volga–Káma-vidéki analógiák fényében (The classification of Conquest period purses and tinder sets in the light of analogies from the Volga–Kama region). In *Avarok pusztái. Régészeti tanulmányok Lőrinczy Gábor 60. születésnapjára*. Szerk. A. Anders, Cs. Balogh, A. Türk. Budapest: Martin Opitz Kiadó, 2014. P. 457–496.

46. Langó P. Amit elrejt a föld... A 10. Századi magyarorság anyagi kultúrájának régészeti kutatása a Kárpát-medencében. Budapest 2007. 341c.

47. Lehóczky T. A szolvai hun sír. In *Archaeologiai Értesítő*, 1870, № 3. 3. 201–206.

48. Novicsihin M., Lezsák G., Gáll E. Tarsolylemeztöredék Andrejevskaja scselből. Gondolatok a tarsolyok kelet-európai és Kárpát-medencei elterjedésével kapcsolatban (Fragmentary Remains of a Sabretache Cover Plate Found in Andrejevskaya Scel. Thoughts on the spread of sabretaches in Eastern Europe and in the Carpathian Basin). In *Alba Regia*. 2017, № 45. P. 67–88.

49. Révész L. A karosi honfoglалás kori temetők. Régészeti adatok a Felső-Tisza vidék X. századi történetéhez (Die Gräberfelder von Karos aus der Landnahmezeit. Archäologische Angaben zur Geschichte des Oberen Theißgebietes im 10. Jahrhundert). *Magyarorság honfoglалás és kora Árpád-kori sírleletei 1*. Miskolc, 1996. 506 p.

50. Szabó L. A „bárándi” tarsolylemez. In *Debreceni Szemle 2–3*. 2013. P. 125–132.

51. *The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue*. Eds.: Fodor, I. et al. Budapest: Hungarian National Museum 1996. 477c.

52. Тоčíк, A. Altmagyarische Gräberfelder in der Südwestslowakei. *ArchSlov-Cat 3*. 1968. 135c.

53. www.tforum.info/forum/index.php. Обращение 09.03.2022.

Информация об авторах:

Никитина Татьяна Багишевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола, Россия); tshikaeva@yandex.ru

Тюрк Атила, PhD, главный научный сотрудник направления «Научно-исследовательский центр древних венгров». Центр гуманитарных исследований (г. Будапешт, Венгрия); turk.attila@btk.mta.hu

Янчик Балаж, младший научный сотрудник направления «Научно-исследовательский центр древних венгров». Центр гуманитарных исследований (г. Будапешт, Венгрия); b.jancsik@gmail.com

SABRETACHE FROM BURIAL 8 OF THE KRASNOGORSK BURIAL GROUND. HISTORICAL ASPECT

T.B. Nikitina, A. Türk, B. Janchik

The finds of purses/sabretache with front side coating of metal sheets are of considerable interest for the study of the cultural ties of the population of the Vetluga-Vyatka interfluvial area. Purses/sabretache, decorated with sheets and plates, are well known since the 10th century in the Carpathian basin and East European region, and even found on some Scandinavian burial grounds. Items of this type in the Vetluga-Vyatka interfluvial area were found

The project "Archaeological research of contacts between Hungary and the East" ("Our eastern heritage", Interdisciplinary research group on history and archaeology of Pázmány Péter Catholic University; TKP2020-NKA-11) with the support of the Thematic Excellence program of the Ministry of National Innovation and Technology of Hungary and with the support of the Arpad dynasty program, project IV.2.

on the Veselovsky, Rusenikha and Anatkasy burial grounds. But, unfortunately, the finds are poorly preserved, which does not allow a complete reconstruction of the items. In 2019, another handbag was found on the Krasnogorsk burial ground of Mari culture of the 10th century. A good preservation of organic matters and a comprehensive study of the details of the sabretache made it possible to reconstruct the full view of the item. The find from burial 8 of the Krasnogorsk burial ground was examined against a background of wide analogies from the medieval sites of the Carpathian basin, East European and Eurasian regions that allowed to find the place of the item in the system of international connections and to take a closer look at the issue of the genesis and ways of spread of this type of objects.

Keywords: archaeology, Middle Ages, purses/sabretache with metal sheets, Hungary, the Magyars, Vetluga-Vyatka region, the Mari, the Khazars, Perm Cis-Urals.

REFERENCES

1. Arkhipov, G. A. 1973. *Mariitsy IX–XI vv.: k voprosu o proiskhozhdenii naroda (Mari People in 9th – 11th Centuries: to the Question on the Genesis of People)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
2. Belavin, A. M., Krylasova, N. B., Podosenova, Yu. A. 2017. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series)* 36 (1), 107–121 (in Russian).
3. Vikhliaev, V. I., Begovatkin, A. A., Zelentsova, O. V., Shitov, V. I. 2008. *Khronologiya mogil'nikov naseleniia I–XIV vv. zapadnoi chasti Srednego Povolzh'ia (Chronology of the Burial Grounds of 1st – 14th Centuries in the Western Part of the Middle Volga Region)*. Saransk: “Krasnyi Oktiabr” Typography (in Russian).
4. Gening, V. F. 1962. In Surov, E. G. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 3. Sverdlovsk: Ural State University, 7–112 (in Russian).
5. Darkevich, V. P. 1975. *Svetskoe iskusstvo Vizantii: Proizvedeniya vizantiyskogo khudozhestvennogo remesla v Vostochnoy Evrope X–XIII veka (Byzantine Secular Art in the 12th and 13th Centuries)*. Moscow: “Iskusstvo” Publ. (in Russian).
6. Karacharov, K. G. 2005. In *Platinum 2*, 52–53 (in Russian).
7. Komar A. 2018. *Istoriya i arkheologiya drevnikh mad'yar v epokhu migratsii (History and archaeology of the Ancient Hungarians in the era of migration)*. Budapest (in Russian).
8. Krylasova, N. B., Belavin, A. M. 2018. In Tyurk, A., Zelenkov, A. S. (eds.). *III Mezhdunarodniy mad'yarskiy simpozium (Budapesht, 6–10 iyunya 2016 g.) (3rd International Magyar Symposium (Budapest, June 6–10, 2016))*. Budapest, 103–120 (in Russian).
9. Mazhitov, N. A. 1981. *Kurgany luzhnogo Urala VIII–XII vv. (Barrows of the Southern Urals, 8th – 12th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
10. Marshak, B. A. 2017. *Istoriya vostochnoy toreviki III–XIII vv. i problemy kul'turnoy preemstvennosti (History of Oriental Toreutics of the 3rd – 13th Centuries and Issues of Cultural Continuity)*. St. Petersburg: “Academy of Culture’s Research” Publ. (in Russian).
11. Marshak, B. I. 1971. *Sogdiiskoe serebro. Ocherki po vostochnoi torevike (Sogdian Silver. Essays on Oriental Toreutics)*. Moscow: “Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury” Publ. (in Russian).
12. Smirnov, A. P. (ed.). 1952. *Materialy po istorii mordvy VIII–XI vv. (Dnevnik arkheologicheskikh raskopok P. P. Ivanova) (Materials on the History of Mordva People in 8th–11th Centuries (Field Notebook by P. P. Ivanov))*. Morshansk: Morshansk Museum of Local Lore (in Russian).
13. Mikaelyan, L. 2017. In Mal'tseva, S. V., Stanyukovich-Denisov, E. Yu., Zakharova, A. V. (eds.). *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva (Actual Problems of Theory and History of Art)* 7. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ., 256–258 (in Russian).
14. Mukhametshin, D. G., Gomzin, A. A. 2018. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 242–255 (in Russian).
15. Nikitina, T. B. 1992. *Mariitsy (konets XVI – nachalo XVIII vv.) po materialam mogil'nikov (Mari People in Late 16th – Early 18th Centuries by Materials of the Burial Grounds)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).
16. Nikitina, T. B. 2010. In Zelenev, Yu. A., Solov'ev, B. S. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region)* 5. Yoshkar-Ola: Mari State University, Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 118–121 (in Russian).
17. Nikitina, T. B. 2012. *Pogrebal'nye pamiatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Burial Sites of the 9th – 11th Centuries in the Vetluga-Vyatka Interfluvial Area)*. Series: *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 14. Kazan: “Otechestvo” Publ. (in Russian).
18. Nikitina, T. B. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 151–161 (in Russian).
19. Nikitina, T. B. 2018. *Rusenikhinskiy mogil'nik (Rusenikhino burial ground)*. *Arkheologiya Evraziiskikh Stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* (3), 8–240 (in Russian).

20. Podosenova, Yu. A. 2018. In Tyurk, A., Zelenkov, A. S. (eds.). *III Mezhdunarodniy mad'yarskiy simpozium (Budapesht, 6–10 iyunya 2016 g.) (3rd International Magyar Symposium (Budapest, June 6–10, 2016))*. Budapesht, 121–136 (in Russian).
21. In Torgoev, A. I., Akhmedov, I. R. (comp.). 2016. *Puteshestvie ibn Fadlana: Volzhskii put' ot Bagdada do Bulgara (The Journey of Ibn Fadlan: the Volga Route from Baghdad to Bolgar)*. Moscow: "Izdatel'skii dom Mardzhani" Publ. (in Russian).
22. Rudenko, K. A. 2016. In Torgoev, A. I., Akhmedov, I. R. (comp.). *Kul'tura Volzhskoi Bulgarii v otrazhenii pamiatnikov iuvelirnogo iskusstva // Puteshestvie Ibn Fadlana: Volzhskii put' ot Bagdada do Bulgara. Katalog vystavki (The Journey of Ibn Fadlan: The Volga Route from Baghdad to Bolgar. Exhibition Catalogue)*. Moscow: "Izdatel'skii dom Mardzhani" Publ, 168–174 (in Russian).
23. Rudenko, K. A. 2018. In Tyurk, A., Zelenkov, A. S. (eds.). *III Mezhdunarodniy mad'yarskiy simpozium (Budapesht, 6–10 iyunya 2016 g.) (3rd International Magyar Symposium (Budapest, June 6–10, 2016))*. Budapesht, 305–334 (in Russian).
24. Semenov, V. A. 1980. In Gening, V. F. (ed.). *Novyi pamiatnik polomskoi kul'tury (New Site of the Polom Culture)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 5–135 (in Russian).
25. Talitskiy, M. V. 1940. In Tretyakov P. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 1. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 159–168 (in Russian).
26. Fedorova, N. V. 2003. In Belavin, A. M. (ed.) *Trudy Kamskoi arkhologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 3 Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 138–154 (in Russian).
27. Khalikov, A. Kh., Bezukhova, E. A. 1960. *Materialy k drevnei istorii Povetluzh'ia (arkheologicheskie issledovaniia v Vetluzhskom raione Gor'kovskoi oblasti v 1957 godu) (Materials on the Ancient History of the Vetluga River Area: Archaeological Investigations in the Vetluga District, Gorky Oblast, in 1957)*. Gorky (in Russian).
28. Khalikova, E. A. Khalikov, A. Kh. 2018. In *Rannie vengry na Kame i Urale (Bol'she-Tiganskiy mogil'nik) The Early Hungarians on the Kama and in the Urals (Bolshie-Tigany burial ground)* Series: *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 25. Kazan: "Fen" Publ. (in Russian).
29. Yanina, S. A. 1962. In Surov, E. G. (ed.). *Voprosy arkhologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 3. Sverdlovsk: Ural State University, 129–139 (in Russian).
30. "Öseinket felhozád..." 1996. Fodor I. (szerk.): „Öseinket felhozád...” A honfo glaló magyarság. Kiállítási katalógus. Budapest 1996.
31. Dienes, I. 1964. In *Folia Archaeologica*, No. 16, 79–112.
32. Erdélyi, I. 2008. *Scythia Hungarica. A honfoglalás előtti Magyarország régészeti iemlékei*. Budapest: Mundus Magyar Egyetem i Kiadó.
33. Fodor, I. 1979. A bezdédi tarsolylemez MNM: Kiállítási lapok. Budapest.
34. Fodor, I. 2008. In Bereczki A. et al. (eds.). *Ünnepi írások Bereczki Gábor tiszteletére. Urálisztikai Tanulmányok* 19. Budapest, 163–171.
35. Fodor, I. 2017. In *Magyar Tudomány* 178, No. 6, 723–731.
36. Fodor, I. 1982. In *Search of a New Homeland. The Prehistory of the Hungarian People and the Conquest*. Budapest: Corvina.
37. Fodor, I. 2009. *Östörténet és honfoglalás. [Magyarország Története 1.]* Kossuth Kiadó, Budapest.
38. Fodor, I. 2013. In Révész L. – Wolf M. (eds.). *A honfoglalás korku tatásának legújabb eredményei: Tanulmányok Kovács László 70. születésnapjára. Monográfiák a Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszékéről* 3. Szerk.: Szeged: Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszék, 457–470.
39. Füredi, Á. 2012. In *Archaeologiai Értesítő*, No. 137, 207–234.
40. Füredi, Á. 2016. In *Tarsolyok. Rubicon* 27:7, 66–71.
41. Gáll, E. 2019. *A hatalom forrása és a magyar honfoglalás – hódítás és integráció/ A korai Magyar történelem egy régész szemszögéből (The source of power and the Hungarian Conquest. Early Hungarian history through the eyes of an archaeologist)*. A Magyarország kutató Intézet Kiadványai 2. Budapest: Magyarország kutató Intézet.
42. Gáll, E., M. Lezsák, G. 2018. In *Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters*. No 46, 85–112.
43. <https://diary.ru/~egor-lis/h175880747/> access 05.03.2022.
44. Istvánovits, E. A. 2003. *A Rétköz honfoglalás és Árpád-kori emlékanyaga (Das landnahme und arpadenzeitliche Nachlassmaterial des Rétköz)*. Régészeti Gyűjtemények Nyíregyházán 2. Magyarország honfoglalás és kora Árpád-kori sírleletei 4. Nyíregyháza.
45. Krylaszova, N. B., Belavin, A. M., Türk, A. 2014. In A. Anders, Cs. Balogh, A. Türk. *Avarok pusztái. Régészeti tanulmányok Lőrinczy Gábor 60. születésnapjára*. Budapest: Martin Opitz Kiadó. 457–496.
46. Langó, P. 2007. *Amit elrejt a föld... A 10. Századi magyarság anyagi kultúrájának régészeti kutatása a Kárpát-medencében*. Budapest.
47. Lehóczky, T. 1870. In *Archaeologiai Értesítő*, No. 3. 201–206.

48. Novicsihin, M., Lezsák, G., Gáll, E. 2017. In *Alba Regia*. No. 45, 67–88.
49. Révész, L. 1996. A karosi honfoglalás kori temetők. Régészeti adatok a Felső-Tisza vidék X. századi történetéhez. Magyarország honfoglalás és kora Árpád-kori sírleletei 1. Miskolc.
50. Szabó, L. 2013. In *Debreceni Szemle* 2–3. 125–132.
51. In Fodor, I. et al. (eds.). 1996. The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue. Budapest: Hungarian National Museum.
52. Točík, A. 1968. Altmagyarische Gräberfelder in der Südwestslowakei. ArchSlov-Cat 3.
53. www.tforum.info/forum/index.php. Обращение 09.03 2022.

About the Authors:

Nikitina Tatyana B. Doctor of Historical Sciences. Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Russian Federation; tshikaeva@yandex.ru

Türk A. Ph. D. Early Hungarians Research Team' of the Research Centre for the Humanities. Tóth Kálmán str. 4, Budapest, 1097, Hungary; turk.attila@btk.mta.hu

Jancsik B. Early Hungarians Research Team' of the Research Centre for the Humanities. Tóth Kálmán str. 4, Budapest, 1097, Hungary; b.jancsik@gmail.com

Статья принята в номер 01.12.2022 г.